

Таким образом, заключает автор, рост численности городского населения в странах Латинской Америки в условиях империалистического засилья вовсе не является показателем экономического прогресса, как это наблюдается в странах с высокоразвитой капиталистической экономикой.

Выход в свет венесуэльского этнографического журнала прогрессивной ориентации — оградное явление. Пожелаем же молодому органу венесуэльских этнографов многих лет плодотворной деятельности и больших успехов.

И. Григулевич

ДВЕ КНИГИ ОБ АТАПАСКАХ АЛЯСКИ

C. Osgood. *Ingalik social culture*, «Yale University Publications in Anthropology», № 53, New Haven, 1958, 289 стр.— R. A. Mc Ken n a n. *The Upper Tanana Indians*. «Yale University Publications in Anthropology», № 55, New Haven, 1959, 223 стр.

В 1927—1956 гг. американский этнограф Корнелиус Осгуд осуществил ряд научных поездок на Аляску и Северо-Западные Территории Канады. Результатом этих поездок была публикация монографических описаний материальной и духовной культуры и общественного строя индейцев Большого Медвежьего озера, кучинов, тананна и ингаликов¹. Наибольшее внимание К. Осгуд уделил атапаскским племенам Аляски: тананна (район залива Кука), ингаликам Юкона и кучинам, расселенным по обе стороны границы с Канадой.

Особенно тщательно К. Осгуд изучил племя ингаликов, живущих в районе чижнего течения Юкона и его притоков — Иннок и Анвика, однако небольшая часть ингаликов на верхнем Кусковиме осталась вне поля зрения ученого. Поездки к ингаликам Юкона в 1934 и 1937 гг. дали К. Осгуду богатейший этнографический материал, опубликованный им в монографии «Материальная культура ингаликов» (1940). Это была первая книга из задуманной им серии, посвященной изучению этого народа².

Много лет спустя К. Осгуд снова вернулся к своим материалам по этнографии ингаликов и в 1953—1956 гг. завершил работу над подготовкой к печати двух монографий, содержащих описание социальной и духовной культуры этих индейцев. В 1956 г. он совершил третью поездку к ингаликам в селение Анвик на Юконе. В 1958 г. Иельским университетом (штат Коннектикут), сотрудником которого является автор рецензируемой книги, она была издана.

Отмеченные выше труды обеспечили Осгуду положение крупнейшего современного исследователя культуры северных атапасков. Для его работ характерно детальное описание всех сторон культуры исследуемого народа при отсутствии, однако, сравнительного материала по другим народам. В его трудах нет также и широких теоретических обобщений изложенных фактов.

После работ Осгуда ингалики стали самым изученным атапаскским племенем Аляски и одним из наиболее изученных североатапаскских племен в целом.

Книга «Социальная культура ингаликов» является продолжением монографии 1940 г. Поэтому вводная глава в «Материальной культуре ингаликов» относится к обеим монографиям. В ней К. Осгуд обосновывает разделение своего исследования на три основные части: изучение материальной, социальной и духовной культуры. Здесь же автор приводит общие сведения об ингаликах и их соседях, дает краткий исторический очерк изучаемой области, сообщает о литературных источниках и информаторах. В историческом очерке много внимания уделено раннему, русскому периоду истории западной Аляски (середина XIX в.). К. Осгуд высоко оценивает этнографическую часть путевых записок А. Глазунова и особенно Л. А. Загоскина. «Никто, вероятно, не сделал большего вклада в этнографию ингаликов в течение XIX в., чем Загоскин...», писал он в 1940 г.³

К. Осгуд подразделяет ингаликов на основе различий в языке и культуре на четыре группы: Анвик-Шагелук, Бонасила, Холи-Кросс — Джорджтаун и Мак-Грэт. Наиболее обособлена последняя группа, расселенная по берегам р. Кусковим. Как подчеркивает автор, все сведения об ингаликах получены им от первой группы (Анвик-Шагелук).

¹ C. Osgood, *The Ethnography of the Great Bear Lake Indians*, «National Museum of Canada, Bull. 70», Ottawa, 1932; ег о ж е. *The Distribution of the Northern Athapaskan Indians*, New Haven, 1936; ег о ж е, *Contributions to the Ethnography of the Kutchin*, New Haven, 1936; ег о ж е, *The Ethnography of the Tanaina*, New Haven, 1937; ег о ж е, *Ingalik Material Culture*, New Haven, 1940.

² В 1936 г. Ф. де Лагуна опубликовала статью, в которой дается краткое описание ряда праздников и обрядов у ингаликов (F. De Laguna, *Indian masks from the Lower Yukon*, «American Anthropologist», 1936, т. 38, № 4).

³ C. Osgood, *Ingalik Material Culture*, стр. 45.

В своих монографиях К. Осгуд пытается реконструировать старую, самобытную культуру этого народа. Реконструировать прошлое — задача достаточно трудная. Описываемая культура и быт в целом уже не были для исследователя предметом непосредственного наблюдения, ему приходилось полагаться на память и мнение информатора. Опыт полевой работы помог Осгуду преодолеть трудности. С большой признательностью автор говорит о своем главном информаторе Билли Вильямсе из Анвика, от которого он получил почти все сведения о празднествах и обрядах ингаликов.

В начале рецензируемой книги автор приводит сведения о расселении ингаликов Юкона. Основное занятие ингаликов — рыболовство, дополняемое охотой, — с давних пор определило их оседлый образ жизни. На небольшом прострстве в районе впадения в Юкон рек Иннок и Анвик было расположено на близком расстоянии одно от другого около двух десятков селений, в которых проживало подавляющее большинство членов племени. Автор подробно описывает местоположение как зимних, так и летних деревень, сравнивает современное их расположение с тем, о котором сообщает Л. А. Загоскин.

Географическое положение ингаликов, по мнению Осгуда, определило своеобразие их культуры. Этот самый западный индейский народ находится в тесном соседстве с более многочисленными эскимосами, расселенными ниже по Юкону, на Кускоквине и по берегам залива Нортон. Эскимосы, как утверждает К. Осгуд, оказали сильное влияние на различные стороны культуры ингаликов. Он указывает на сходство эскимосской культуры с культурой ингаликов и танаина, отказываясь, однако, от сравнительного их изучения (стр. 3).

Понимание этнографии как всестороннего описания данного народа или племени, свойственное этнографам школы Ф. Боаса, явилось причиной недостаточного внимания автора к задачам анализа, истолкования и в особенности сопоставления собранного им материала.

Понятие «социальная культура», используемое автором, имеет самое широкое содержание. Сюда он относит все виды деятельности человека — от добывания пищи до развлечений, поведение отдельного человека или группы людей во все более или менее важные моменты жизни и т. п. Основная часть рецензируемой книги состоит из следующих четырех разделов: деятельность деревенской общины, семейная жизнь, взаимоотношения двух людей, индивидуальное поведение. С таким расположением материала нельзя согласиться, так как описание, например, хозяйственной деятельности оказалось в результате этого разделенным на две части по признаку ее коллективного или индивидуального характера.

Но даже и такое расположение собранных автором материалов об общественном строе ингаликов, хотел он этого или нет, наглядно показало преобладающую роль сельской общины и коллективизма в ингаликском обществе: по объему раздел о сельской общине занимает 125 страниц, а об индивидуальном поведении и отношениях двух людей — 58.

Коллективный труд занимал важное место в ингаликском обществе. Некоторые виды хозяйственной деятельности были делом всей общины (деревни) или группы людей. К. Осгуд описывает такие примеры коллективного («группового» у автора) труда, как охота на оленей-карибу методом загона, охота на медведя, найденного в берлоге, и на бобров. Она требовала совместных усилий всех или почти всех мужчин деревни. Большинство жителей поздней осенью принимало участие в опасном подледном лове миноги во время ее хода вверх по реке. Как пишет автор, «ни один из видов групповой деятельности, включая охоту и рыболовство, не может считаться более важным, чем устройство весной так называемых лодочных селений» (стр. 42). Это были весенние рыболовные стоянки, обычно устраивавшиеся у небольших лесных озер. Перетаскивание берестяных лодок и снаряжения через кустарник, постройка временных хижин и изготовление рыболовных снастей требовали много труда. Постройка хижин была общим делом нескольких семей. В конце лета группа мужчин сообща сооружала на небольшой реке запруду, но рыболовные снаряды на ней каждый рыбак делал для себя (стр. 44). Общим делом всех жителей селения было и строительство общественного дома.

Многие виды хозяйственной деятельности не требовали совместных усилий большого числа людей и осуществлялись индивидуально. К. Осгуд описывает эти виды деятельности в разделе «Индивидуальное поведение»: лов рыбы вершами, лучением, удочкой; охота на оленей, медведей, бобров, мускусных крыс, зайцев и других мелких зверей; ловля птиц, собиравательство, домашние работы.

В отношении пищи у ингаликов сохранялись элементы коллективного распределения. Пища принадлежала прежде всего общине (главным образом ее старшим членам), а потом, и в последнюю очередь, тому охотнику или рыболову, который ее добыл. Если же мяса оказывалось недостаточно для всех, то молодежь и охотник, добывший его, могли ничего не получить. Когда женщины приносили в кажим (мужской дом) обед для членов своих семей, мужчины делились принесенной пищей с товарищами, еще ожидавшими прихода своих жен и матерей (стр. 36, 37).

Центром общественной жизни в ингаликской деревне был мужской дом — кажим, известный также эскимосам Аляски и алеутам и описанный у них впервые русскими мореплавателями в конце XVIII в. Кажим был самым вместительным жилищем в деревне. Более полугода — осень и зиму — в нем проводили время, свободное от охоты и рыбной ловли, все мужчины и юноши общины. Юноши жили в кажиме до женитьбы.

Женатые иногда спали там и ежедневно возвращались туда для изготовления различных изделий для своих семей. Помимо повседневных дел и отдыха, в кажме происходили совещания стариков, камлания шамана, совершались сделки пришедших издалека торговцев с жителями селения (стр. 33). Зимой во время праздников и исполнения религиозных обрядов кажм становился местом собрания всех жителей.

К началу XX в. под влиянием европейцев общественная жизнь деревни приняла иные формы, и прежне значение кажма было утрачено. Сошла на нет и коллективная охота; коллективный лов рыбы сохранялся только на весенних стоянках на озерах (стр. 267). Собранный Осгудом материал свидетельствует о преобладании в сельской общине ингаликов XIX в. коллективного производства и потребления при одновременном усилении роли семьи и отдельных лиц.

Правосудие в ингаликском селении до колонизации было основано на общественном мнении и осуществлялось старшими членами общины. Если предупреждение, сделанное на совете стариков в кажме, не оказывало своего действия, преступника изгоняли из общины или убивали. Провинившихся женщин судили или порицали сами женщины селения (стр. 53). Автор приводит рассказы о различных случаях, связанных с кровной мстью, деятельностью шаманов и т. п., что дает читателю возможность конкретно представить себе жизнь ингаликской общины.

На западе Аляски еще до прихода европейцев существовали постоянные торговые связи. Ингалики чаще всего производили обмен товарами с приморскими эскимосами, живущими на побережье залива Нортон, и реже с эскимосами нижнего Юкона и Кускоквима. Ингаликский торговец с одним или двумя юношами отправлялся осенью или весной в эскимосскую деревню. Там он менял свои изделия из дерева и россомашы шкуры на тюлений жир и шкуры морского зверя (стр. 62). Ингалики торговали преимущественно не с другими атапаскскими племенами, а с эскимосами, и отношения между этими столь различными народами были мирными. Традиционными врагами ингаликов были их северные атапаскские соседи — коюконы. Автор дает краткое описание характера военных действий между ними.

Треть книги автор уделит детальному описанию празднеств и обрядов, которые он делит на малые и большие. Эти празднества играли исключительно важную роль в жизни ингаликов. Большинство их сочтало функции одаривания, магическую и развлекательную. Все празднества происходили в кажме, и в них обычно принимали участие все жители селения.

Среди «малых обрядов» важное место занимали летний праздник «первого лосося», обряды, связанные с убийством россомахи и волка, и несколько праздников, каждый из которых связан с каким-либо значительным событием в жизни человека. К последним относятся устраиваемые семейные праздники в честь мальчика, убившего первое промысловое животное, торжества, связанные с наступлением половой зрелости девушки или ее вступлением в брак, и т. п. Семейные праздники сопровождалась угощением и иногда раздачей подарков. Как правило, такие праздники приурочивались к большим празднествам, частью которых они становились.

Одним из наиболее важных празднеств был «потlach партнеров»⁴. Группа жителей одного селения приглашала своих «партнеров» из другого селения, и таким образом в этом празднике участвовали почти все жители обеих деревень. Потlach повышал престиж устраивателей в глазах общества, что и было основным его назначением. В течение нескольких дней происходили пляски, угощения, раздача подарков гостям.

Не менее важным был потlach в честь умершего родственника. В этом случае обычай поминовения умершего становился поводом для щедрого раздаривания предметов одежды почетным гостям, из которых по крайней мере один был приглашен из другого селения. В последнюю, четвертую ночь, иногда устраивалась «горячая пляска», когда при погашенном свете на короткое время допускались свободные отношения полов. В этом обычае следует видеть пережиток древнего группового брака, а не магическое действие или же развлечение после сурового поминального потлacha, как пишет автор (стр. 143).

Обряд магического воздействия на промысловых животных с целью усилить их размножение является важной составной частью «праздника животных», длившегося семнадцать ночей, и «пляски масок».

Раздел «Семейная жизнь» охватывает различные стороны жизни в зимнем и летнем жилище, а также вне селения, рисует обчач, связанные с браком, с рождением и воспитанием ребенка. Ингаликский дом обычно занимали две построившие его малые семьи. Автор указывает, что дом был в полном распоряжении женщин. Зимний дом он называет «женским домом», так как мужчины днем охотились, ловили рыбу или работали в кажме (стр. 162). При заключении брака решающую роль играли матери вступающих в брак. Мать подыскивала для сына невесту в своем или близлежащем селении. После заключения брака муж жил один сезон в семье жены, затем он с женой переходил в дом своей матери, где они жили два — четыре года (стр. 197).

Ингаликам были известны полигиния (двоеженство), левират и очень редко практикуемый (в отличие от эскимосов) обмен женами. В XIX в. у ингаликов, по мнению Осгуда, не было деления на роды и сестры.

⁴ Осгуд описывает три вида «партнерства», т. е. обычая иметь в чужой деревне товарища со взаимными обязанностями гостеприимства.

В рецензируемой книге нет анализа ингаликской системы родства; терминология же родства была опубликована автором в 1940 г. в приложении к книге «Материальная культура ингаликов».

К. Осгуд неоднократно указывает на имущественное неравенство у ингаликов. Но приводимый им пример отношений между богатым и бедным общинниками, когда бедный делал ловушки для богатого в обмен на одежду (стр. 221), несомненно, относится уже ко времени европейской колонизации.

К. Осгуд нарисовал широкую картину жизни ингаликов в XIX в. Однако многие особенности общественного строя ингаликов можно объяснить лишь проведя сравнение с обществами эскимосов или других племен атапасков, чего автор не делает.

Хотя монографии Осгуда и представляют собой почти исключительно свод материала, однако собранные в них факты об ушедшей в прошлое культуре ингаликов имеют большую ценность и книги эти являются важным вкладом в этнографию народов Северной Америки.

* * *

Важнейший центр по изучению североатапаских племен — Иельский университет в г. Нью-Хейвен (штат Коннектикут). В издательстве этого университета, которое на протяжении ряда лет публиковало монографии К. Осгуда, в 1959 г. вышла в свет книга американского этнографа Роберта Мак-Кеннана «Индейцы Верхней Тананы». Эта книга посвящена атапаскскому племени, живущему в районе верхнего течения левого притока Юкона — реки Тананы, на востоке Аляски. В 1929—1930 гг. Р. Мак-Кеннан побывал почти у всех групп индейцев Верхней Тананы и в двух селениях в верховье р. Медной. Летом 1933 г. он снова совершил поездку на Аляску, на этот раз к кучинам, живущим на р. Чандалар. Из-за различных обстоятельств автор смог опубликовать собранные им материалы лишь четверть века спустя.

Книга состоит из четырнадцати глав, в которых описаны хозяйство, социальная организация, материальная и духовная культура индейцев Верхней Тананы. Мак-Кеннан предпочел английское название племени (Upper Tanana Indians) введенному К. Осгудом названию «набесна» (по одному из истоков р. Тананы), так как эта группа атапасков как будто не имеет особого названия, кроме «дене», т. е. «люди» (стр. 15, 17).

По мнению Мак-Кеннана, еще 30 лет назад условия для изучения культуры индейцев Верхней Тананы были чрезвычайно благоприятны, так как европейская колонизация их области, хотя и началась в 1890—1900-х годах, но не была массовой, если не считать кратковременного наплыва золотонискателей в 1913 г. В районе истоков Тананы постоянно жили только несколько торговцев и старателей. «В результате этого, — пишет автор, — многое из самобытной индейской культуры все еще сохранялось в 1929 г., и для меня было большой удачей общаться с информаторами, жившими здесь, когда первые белые вступили в район Верхней Тананы» (стр. 3).

В вводной главе Р. Мак-Кеннан рассматривает состав населения района Верхней Тананы, характеризует соседние племена и излагает историю района. Племя Верхней Тананы невелико и в 1930 г. насчитывало всего 152 чел. По мнению автора, с конца XIX в. не происходило заметного уменьшения населения; старые же индейцы решительно утверждают, что до какой-то эпидемии (в середине XIX в.) индейцев было намного больше. Индейцы Верхней Тананы делились на пять охотничьих кочевых групп (bands): Верхней Чизаны — Верхней Набесны, Ласт-Тетлинга, Тетлинга, устья р. Набесна и Скотти-Крика. Последняя группа не имела постоянного поселения и более других сохраняла кочевой образ жизни. Каждая из этих групп состояла из нескольких семей.

Характеризуя так называемые «племена» северных атапасков, автор пишет: «То, что называли племенами, на самом деле немногим более чем территориальные группы, различающиеся небольшими диалектными и, может быть, немногими этническими особенностями» (стр. 15). Автор приводит краткие сведения о «племенах», соседних с индейцами Верхней Тананы, — ахтена (атнахотана) в бассейне р. Медной, клуане (тутчоне) и хан в бассейне Юкона, — и об индейцах среднего течения р. Танана.

Мак-Кеннан дает краткий исторический очерк жизни индейских «племен» в долинах рек Тананы, Медной и Юкона. Индейцы Верхней Тананы стали посредниками в межплеменной торговле, доставляли индейцам р. Медной предметы, полученные у клуане, северных соседей приморского народа тлинкитов. Позднее на р. Танану попадали товары из русских поселений на Аляске, из факторий Компании Гудзонова залива и от американских торговцев.

Сообщая читателю краткие сведения из истории проникновения русских в бассейн р. Медной, автор приводит предание индейцев с р. Набесна о пребывании русских в с. Батзулнегас в верховьях р. Медной (стр. 27). Это сообщение проливает свет на обстоятельства гибели в 1848 г. экспедиции Руфа Серебрянникова (предание подтверждает версию, о которой писал историк Аляски П. А. Тихменев)⁵.

В главе «Экономическая жизнь» автор отмечает, что индейцы Верхней Тананы — типичный охотничий народ. Их основную пищу в момент обследования их Мак-Кеннаном составляло мясо оленей и горных баранов. В отличие от ингаликов и других племен

⁵ П. Тихменев, Историческое обозрение образования Российско-Американской компании, ч. II, СПб., 1863, стр. 204—205.

Юкона, у которых преобладало рыболовство, в питании индейцев Верхней Тананы рыба занимала второстепенное место. Причина этого — отсутствие лососей в верхнем течении Тананы, протекающей по горной стране.

О культурном влиянии русских на атапасков внутренних районов Аляски говорят названия чая и табака у индейцев Верхней Тананы: «чай» и «ласки» (стр. 38, 40). Можно согласиться с доводами автора о русском происхождении этого названия табака. Это слово имеется в языке атнахотана, непосредственно общавшихся с русскими. Следует заметить, что в отношениях с туземцами у русских в ходу было слово «приласкивать», табак же, действительно, русские дарили при встречах с индейцами. С юга на Танану проникло и слово «тойон», которым русские называли местных вождей, богачей (кстати, слово это якутское, а не камчатское, как думает автор).

В прошлом у индейцев Верхней Тананы приготовлением пищи занимались мужчины, которые затем первыми принимались за еду. Этот редко встречающийся обычай был известен и у других соседних племен (стр. 45). В настоящее время варят пищу и мужчины, и женщины. Как справедливо пишет автор, общинный принцип в распределении пищи был широко распространен среди индейцев Северной Америки, и индейцы Верхней Тананы не являются исключением в этом отношении.

Распространенный у многих народов Аляски институт партнерства был известен и на Верхней Танане. У каждого мужчины был свой партнер из другой фратрии, который в случае нужды оказывал ему поддержку. Р. Мак-Кеннан, считая, что распространение этого обычая ограничено северо-западной частью Северной Америки, не отметил наличия партнерства у эскимосов Аляски.

Довольно полно описана автором социальная организация индейцев Верхней Тананы. Помимо специальной главы, вопросы, касающиеся общественного устройства, освещаются и в других разделах книги. Р. Мак-Кеннан считает основной общественной единицей этого племени малую семью, объясняя это крайней малочисленностью и подвижностью охотничьих групп (стр. 116). С этим, однако, согласиться нельзя. Приведенные в книге факты свидетельствуют, что основной хозяйственной единицей в обществе индейцев Верхней Тананы была кочевая группа (band), состоявшая из нескольких малых семей. Автор указывает на преобладание домохозяйств, состоявших из двух семей; с этим связаны и формы жилищ (стр. 75).

Женщина, как отмечает автор, была и остается вполне равноправной с мужчиной.

Немало интересных данных приводит автор о делении индейцев Верхней Тананы на фратрии и роды. Племя делится на две фратрии, хотя автор предполагает существование в прошлом третьей. Первоначально фратрия была экзогамной, позднее, с вымиранием отдельных родов и фратрий в той или иной местности, браки стали допускать и внутри фратрии (стр. 119, 123). Каждый индеец, как сообщает автор, хорошо знает, к какой фратрии он принадлежит, но иногда затрудняется назвать свой род, так как состав родов непостоянен. Исследуя названия родов и фратрий, автор отмечает их сходство с такими же названиями у соседних племен атапасков.

К пережиткам материнского рода следует отнести матрилинейный счет родства, тенденцию к матрилокальному поселению молодоженов, отработку за невесту, предпочтение кросс-кузенных браков, сорорат. Мак-Кеннан приближается к правильному объяснению происхождения матрилинейного рода у атапасков Аляски, считая родовую организацию общим наследием древней единой культуры атапасков и тлинкитов или же результатом сходного процесса в развитии общества (стр. 126).

Касааясь вопросов собственности и наследства, автор указывает на полное отсутствие понятия семейной охотничьей территории. В накоплении имущества в новое время большую роль сыграла торговля с американцами. Приводимые Мак-Кеннаном сведения о собственности, ее наследовании, о слабом развитии института вождей и т. д. говорят об известной архаичности общественного строя индейцев Верхней Тананы. Однако положение охотника в обществе определялось в новое время не только щедростью, но и богатством; сохранившиеся еще порядки и взаимоотношения, свойственные родовому строю, сталкивались с зарождающимся институтом частной собственности. Поэтому у индейцев Верхней Тананы, как и других племен Аляски, институт потлача имел большое значение.

Кроме главы о религии, в книге есть раздел о мифологии и преданиях, записанных автором. Этот раздел, самый большой в книге, имеет особую ценность, так как дает богатый материал для изучения истории и этнографии индейцев Верхней Тананы. Особо выделены исторические предания.

Читатель найдет в книге и некоторые сведения о положении этого племени в первой трети XX в.

Отличительной особенностью всей книги является привлечение Мак-Кеннаном большого сравнительного материала из разных источников. Почти по всем вопросам, освещаемым в книге, автор приводит сходные факты из жизни других племен северных атапасков, а также эйяков и тлинкитов. Изложенный автором материал и сопоставление его с данными по другим племенам Аляски и Канады в этом единственном монсографическом описании атапасков долины р. Тананы имеют большую ценность.